

Пушкинская «Сказка о золотом петушке» и «Конек-Горбунок» П. П. Ершова¹

В научной литературе уже не раз было показано, что пушкинские «Сказка о царе Салтане...» (1831, опубл. 1832) и «Сказка о мертвой царевне...» (1833, опубл. 1834), с которыми, безусловно, был знаком П. П. Ершов, отразились в тексте его «Конька-Горбунка» (опубл. 1834)². Между тем вопрос о том, не послужил ли последний, в свою очередь, одним из претекстов пушкинской «Сказки о золотом петушке» (1834, опубл. 1835), до сих пор по-настоящему не был поставлен. Даже те исследователи, которые замечали сходство между этими произведениями, как правило, ставили вопрос о возможном влиянии Пушкина на Ершова, а не наоборот, и с полным основанием отвечали на него отрицательно: «Сходство это нельзя объяснить влиянием Пушкина на Ершова, поскольку “Конек-Горбунок” по времени выхода в свет на год опередил “Сказку о золотом петушке...”, напечатанную в апреле 1835 г. (закончена в рукописи в сентябре 1834 г.)»³. При этом очевидная близость некоторых мотивов объяснялась тем, что обе сказки основаны на одних и тех же фольклорных источниках.

Что касается вопроса о возможном «отражении» ершовской сказки в пушкинском тексте, то отрицательный ответ на него обычно давался

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 15-34-11047 «Что и как читали русские классики? (От круга чтения к стратегиям письма)».

² См., например: *Шустов М. П.* Традиции пушкинской сказки в русской литературе («Конек-Горбунок» П. П. Ершова) // *Болдинские чтения* [2012]. Н. Новгород, 2012. С. 53–59.

³ *Ершов П. П.* Конек-Горбунок. Стихотворения / Вступ. ст. И. П. Лупановой; Сост., подгот. текста и примеч. Д. М. Климовой. М., 1976. С. 18.

в связи с тем, что беловой автограф «Сказки о золотом петушке» датирован 20 сентября 1834 г. (III, 1307), а отдельное издание «Конька-Горбунка» вышло в сентябре 1834 г. (цензурное разрешение на выход шестого тома, в котором было опубликовано известие о его выходе, подписано 27 сентября 1834 г.)¹. Если это издание появилось до 20 сентября, то кто-то из знакомых Пушкина мог доставить его к нему в Болдино, но это маловероятно и документально никак не подтверждается. Разумеется, Пушкину и так были доступны первая часть и «присказка» ко второй части «Конька-горбунка», появившиеся в печати 5 мая 1834 г.² Однако сходство со «Сказкой о золотом петушке» обнаруживает больше всего вторая часть, не вошедшая в эту публикацию.

Некоторые исследователи считают, что «ни в одном из мемуарных источников нет сведений» о знакомстве Пушкина «с рукописью сказки», и на этом основании полагают, что «скорее всего Пушкин прочитал “Конька” уже после публикации»³. Тем не менее, кое-какие сведения такого рода все же есть. Так, А. П. Толстяков не без оснований усматривал их в ссылке П. В. Анненкова на слова А. П. Смирдина: «Первые четыре стиха этой сказки, по свидетельству г-на Смирдина, принадлежат Пушкину, удостоившему ее тщательного пересмотра»⁴. Исследователь вполне основательно заключал: «...смешно было бы думать, что Пушкин оказывал свое содействие в публикации “Конька-Горбунка”, не прочтя его в рукописи, а положившись лишь на мнение других, например Плетнева»⁵.

Такого же мнения придерживается В. А. Кошелев: «...когда писался “Золотой петушок”, Пушкин уже был знаком с ершовской сказкой...»⁶. Он обращает внимание на то, что «современники Пушкина видели» соотношение между этими двумя произведениями «иначе»:

А. М. Языков 26 сентября 1834 г. заезжал на несколько часов к Пушкину в Болдино и в письме к В. Д. Комовскому сообщал, в частности, что Пушкин показывал ему «несколько сказок в стихах в р о д е Е р ш о в а». Не Пушкин воспринимается законным «начинателем» «этого рода сочинений» — а Ершов! <...> Заметим, кстати, что Пушкин мог познакомить его прежде всего с новой написанной им сказкой — «Золотым петуш-

---

¹ Библиотека для чтения. 1834. Т. 6, № 10. Отд. VI. С. 1.

² Там же. Т. 3, № 5. Отд. I. С. 214–234. См.: *Савченкова Т. П.* «Конек-Горбунок» Ершова и псевдолитературоведение // Ершовский сборник. Ишим, 2010. Вып. 6. С. 30.

³ *Ершов П. П.* Конек-Горбунок. Стихотворения. С. 302.

⁴ *Анненков П. В.* Материалы для биографии А. С. Пушкина / Ред. Г. М. Фридлендер. М., 1984. С. 166, 406. Здесь и далее курсив наш. — С. К.

⁵ *Толстяков А. П.* Пушкин и «Конек-Горбунок» Ершова // Временник Пушкинской комиссии. 1979. Л., 1982. С. 30, 35–36, 33.

⁶ *Кошелев В. А.* Феномен Петра Ершова // Ершовский сборник. Вып. 6. С. 17.

ком», который, по особенностям характеров (например, царя Дадона), оказывается, как давно замечено исследователями, очень похож на «Конька-Горбунка».¹

Однако самым бесспорным доказательством знакомства Пушкина с полным текстом ершовской сказки по рукописи является сама «Сказка о золотом петушке», содержащая целый ряд безусловных реминисценций из «Конька-Горбунка» и даже отчасти представляющая собой ее гипертекст. Реминисценции эти входят в общую систему соотнесенности «Сказки о золотом петушке» с «Коньком-Горбунком», которую раньше частично уже выявили исследователи. Так, И. П. Лупанова писала, что «Конек-Горбунок» мог обратить на себя внимание Пушкина прежде всего «чувством независимости по отношению к сильным мира сего», которое у его героя «возвышается до уровня социального бунтарства»:

В остросатирическом плане разработан Ершовым образ антипода героя – жестокого и ограниченного правителя, типичного «плохого царя» народной сказочной традиции. <...> Слостолюбие этого семидесятилетнего старца, которое в народных параллелях обычно лишь констатируется, у Ершова делается предметом злого осмеяния. Доверие к сплетникам и клеветникам осознается читателем как следствие внутреннего бессилия, ничтожности, с которыми контрастирует внешне грозное, приводящее придворных в трепет, поведение царя.²

Исследовательница обратила внимание на некоторые параллели между ершовской и пушкинской сказками:

Ершовский царь имеет очень близкого родственника в пушкинских сказках – «царя Дадона» из «Сказки о золотом петушке». Обоих роднит метод царствования «лежа на боку». Мы постоянно видим ершовского царя, как и пушкинского, зевающим, подающим реплики и отдающим приказания с кровати. Запоздалая страсть ершовского царя к прекрасной дочери Месяца очень напоминает страсть старого Дадона к шамханской царице. Оба царя скоры и щедры на обещания, но не на выполнение их (ср. у Ершова: «Я те щедро награжу И в бояры посажу», у Пушкина: «Волю первую твою я исполню, как свою»). Сходство этих царей-самодуров бросается в глаза, и кажется странным, что никто из исследователей, столь охотно сопоставляющих ершовскую сказку с пушкинской, не обратил на это внимания.³

---

¹ Там же.

² Лупанова И. П. П. П. Ершов // Ершов П. П. Конек-Горбунок. Стихотворения. С. 16, 17.

³ Там же. С. 17–18.

Впрочем, в последние десятилетия это, как и сходство двух сказок в целом, было, наконец, замечено. Так, например, В. Перельмутер утверждал: «...вся *третья часть*, про Царь-девицу, описание ее — “парное” к Царевне-Лебеди, возлюбленной князя Гвидона, оба образа связаны общей и сложной символикой, уходящей в мифологию. А в стихах полно перекличек со “Сказкой о Золотом Петушке”, которая еще не написана, Пушкин завершит ее *через три месяца по выходе “Конька-Горбунка”*. “Бывают странные сближения?” Допустим и такое...»¹. Ему вторил В. Козаровецкий: «Как объяснить, что Пушкин после чтения Ершовым сказки (в присутствии барона Розена) бросив фразу, что “теперь этот род сочинений можно мне и оставить” (дело было летом 1834 года), осенью того же года пишет “Сказку о золотом петушке”? Мало того, что сказки написаны одним размером и что главное содержание обеих сказок — одержимость царя жениться на молоденькой, так ведь и без того эти слова Пушкина можно понять надвое»².

В действительности сюжет с поимкой Царь-девицы входит не в третью, а во вторую часть сказки, а «Сказка о золотом петушке» была написана 20 сентября 1834 г., то есть почти одновременно (а не через 3 месяца) с выходом отдельного издания «Конька-Горбунка». Однако дело даже не в этих мелких неточностях, а в том, что, опираясь на верные соображения о тождестве стихотворного размера и о сходстве сюжета двух произведений, В. Перельмутер и В. Козаровецкий вслед за А. Лацисом сделали из них столь же сенсационный, сколь и безосновательный вывод о том, что автором «Конька-Горбунка» был Пушкин³. Между тем все встает на свои места, если предположить, что «Конек-Горбунок» был существенным претекстом «Сказки о золотом петушке».

Как известно, сюжет пушкинской сказки взят из «Альгамбры» В. Ирвинга, но «обработан в духе русской народной сказки»⁴ (Пушкин включал ее в цикл «простонародных сказок»). На основе сопоставления черновика и белого автографа «Сказки о золотом петушке» А. Ахматова сделала вывод, что Пушкин «в процессе работы снижал лексику, приближая ее к просторечию»⁵. В этой «обработке» — а впрочем, как мы увидим ниже, не в ней одной — Пушкин следует не только фольклорным источникам, но и литературным претекстам, и в первую очередь — ершовскому «Коньку-Горбунку».

---

¹ Перельмутер В. В поисках автора // Александр Пушкин (?). Конек-горбунок: Русская сказка в трех частях. М., 1998. С. 46.

² Козаровецкий В. Потаенный Пушкин // Роман-газета. 2013. № 5. С. 78.

³ См.: Савченкова Т. П. «Конек-Горбунок» Ершова и псевдолитературоведение. С. 25–57.

⁴ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. 4-е изд. Л., 1977. Т. 4. С. 435 (примеч. Б. В. Томашевского).

⁵ Ахматова А. А. О Пушкине: Статьи и заметки. 3-е изд. М., 1989. С. 26, 27.

Ряд параллелей между этими произведениями приведены И. П. Лупановой:

Обуреваемые нежными чувствами, цари одинаково лебезят перед избранницами; страсть побуждает того и другого на еще более несправедливые поступки, нежели обычно (ершовский царь приказывает искупаться в кипятке слуге, принесшему ему счастье; Дадон убивает звездоchета, обеспечившего ему спокойное существование) <...>. Дадон, увидев красавицу, «забыл перед ней смерть обоих сыновей»; ершовский царь готов «полонить все царства» и «искоренить весь род» тех, кто посмеет смеяться над его браком».¹

Впрочем, исследовательница отмечала, что постановка вопроса «о влиянии девятнадцатилетнего Ершова на замечательного мастера русской литературной сказки <...> выглядит как-то несерьезно»². Однако дело здесь не столько во влиянии (хотя чем более парадоксален факт такого влияния, тем более он значителен), сколько в несомненных интертекстуальных связях между двумя произведениями. И после того, как настоящая работа была в основном уже написана, я познакомился со статьей Т. П. Савченковой на сходную тему, которая завершается следующим суждением:

По нашему мнению, высказанная И. П. Лупановой мысль весьма плодотворна, ведь сходство этих произведений выходит за рамки типологического свойства и воздействие «Конька-Горбунка» на последнюю сказку Пушкина просматривается на индивидуальном уровне, то есть уровне художественного языка «Золотого петушка», что, несомненно, должно явиться предметом специального исследования. Безусловно, вопрос творческих отношений Пушкина и Ершова требует не только дальнейшего изучения, но и критико-аналитического пересмотра некоторых точек зрения.³

Именно такой «пересмотр», по существу, и производится в настоящей статье, причем он тем более оправдан, что параллели между двумя сказками могут быть значительно расширены. Если опустить те, что скорее всего представляют собой «loci communi», то все равно набирается еще немало. Причем относятся они в основном ко второй и отчасти к третьей

---

¹ Лупанова И. П. Русская народная сказка в творчестве писателей первой половины XIX века. Петрозаводск, 1959. С. 235

² Там же. С. 236.

³ Савченкова Т. П. Творческие взаимоотношения Пушкина и Ершова как литературоведческая проблема // Казанская наука. 2014. № 4. С. 174.

частям ершовской сказки. Так, один из слуг, рассказывая о «чудо-книжке» из пяти сказок, две из них называет следующим образом: «О боярыне восточной» и «О прекрасной Царь-девице»¹. Услышав это, «хитрой Спальник» клеветает царю на Ивана-дурака, что якобы тот «похваляется достать» «Царь-девицу» (с. 65). Далее следует рассказ о том, как с помощью Конька-Горбунка Ивану и впрямь удается сделать это, и именно здесь наиболее ощутимы следы знакомства Пушкина с ершовской сказкой.

У Пушкина «шамаханская царица» является с востока: «Видит, бьется петушок, / Обратившись на восток. <...> / Царь к востоку войско шлет <...> / Царь скликает третью рать / И ведет ее к востоку...» (III, 559–560). У Ершова и за Жар-птицей, и за Царь-девицей Иван следует в этом же направлении: «И поехал на восток — / Доставать тое Жар-птицу»; «И поехал на восток, / По тое ли Царь-девицу»; «Мы посланники царицы, / Едем оба из столицы, / (Говорит киту конек) / К солнцу прямо на восток» (с. 55, 69, 86).

У Пушкина оба раза от посылки рати до нового крика Петушка проходит восемь дней: «Вот проходит *восемь дней*, / А от войска нет вестей: <...> / Снова *восемь дней* проходят; / Люди в страхе дни проводят...» (III, 559). Наконец, сам возглавив «третью рать», Дадон «видит шелковый шатер» «шамаханской царицы», только когда «Вот *осьмой уж день* проходит, / Войско в горы царь приводит» (III, 560). У Ершова это же время занимает путь Ивана до тех мест, где он ловит и Жар-Птицу, и Царь-девицу: «Едут целую седмицу. / Напоследок в *день осьмой* / Приезжают в лес густой» (с. 55, 69).

В обольщении царя «шамаханской царицей» у Пушкина важную роль играет ее «шатер»: «И промеж высоких гор / Видит *шелковый шатер*. <...> ...Вдруг шатер / Распахнулся... и девица...<...> / Его за руку взяла / И в *шатер* свой увела. / Там за стол его сажала, / *Всяким яством угощала...*» (III, 560, 561). У Ершова с помощью «шатра» ловит Царь-девицу Иван: «Ну, раскидывай *шатер* <...> / Пусть в *шатер* она войдет, / Пусть покушает, попьет <...> / За *шатер* Иван забился / И давай диру вертеть, / Чтоб царевну подсмотреть. <...> / Входит с гусями в *шатер* / И садится за прибор. <...> / К *златошвенному шатру* / Приплывет опять девица / *Меду сладкого напитья*. <...> / На другой день по утру, / К *златошвенному шатру* / Царь-девица подплывает <...> / Тут в *шатер* дурак вбегает, / За косу ее хватает...» (с. 70, 71, 73, 74). Впрочем, как отметила Ахматова, «бел *шатер*, в котором сидели три прекрасные девицы...», упоминается и в лубочном издании «Сказки о Еруслане Лазаревиче»².

У Пушкина главная героиня зовется: «*девица*, / Шамаханская *царица*» (ср. также: «с девицей молодой», «царицей») (III, 560–563). У Ершова спектр наименований героини хотя и более широкий, но очень сходный:

¹ Ершов П. Конек-Горбунук: Русская сказка в трех частях. СПб., 1834. С. 62. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием страниц.

² Ахматова А. А. О Пушкине: Статьи и заметки. С. 26.

«О прекрасной *Царь-девице...*», «Для царевниной поимки...», «То царевна подплывает...», «И царевну сохватай...», «Бесподобная *девица!* Согласися быть *царицей*», «А *царевна* молодая...», «(Говорит ему *царица*)...» (с. 64, 67, 70, 75, 77).

У Пушкина она «*Вся сияя как заря, / Тихо встретила царя*» (III, 560). У Ершова «*заря*» упоминается как время дня, перед которым Царь-девица сходит на берег: «*И пред утренней зарей / Пробегает лес густой / И выходит на поляну*» (с. 69). У Пушкина: «*Как пред солнцем птица ночи, / Царь умолк, ей глядя в очи...*» (III, 560–561). У Ершова похищенная Иваном Царь-девица — родная сестра солнца: «*Месяц — мать мне, солнце — брат*» (с. 78).

У Пушкина: «*И с девицей молодой / Царь отправился домой. <...> / Под столицей, близ ворот / С шумом встретил их народ...*» (III, 561). У Ершова Ивана и Царь-девицу в самой столице встречает царь: «*Вот в столицу приезжают. / Царь к царевне выбегает, / За белы руки берет, / Во дворец ее ведет...*» (с. 74).

У Пушкина еще в шатре «шамаханская царица» царя «*Уложила отдыхать / На парчевую кровать. / И потом, неделю ровно, — / Покорясь ей безусловно, — / Околдован, восхищен, / Пировал у ней Дадон*» (III, 561). У Ершова инициатива исходит от царя, и аналогичная вещь происходит уже во дворце: «*И садит за стол дубовый / И под занавес шелковой. / В глазки с нежностью глядит, / Сладки речи говорит: / “Бесподобная девица! / Согласися быть царицей. / Я тебя едва узрел, — / Сильной страстью воспипел”*» (с. 74–75).

У Пушкина Дадон увещевает «мудреца» отказаться от своего требования: «*Попроси ты от меня / Хоть казну, хоть чин боярский, / Хоть коня с конюшни царской...*» (III, 562). У Ершова царь, посылая Ивана достать из «окияна» перстень царевны, сулит ему: «*Я те щедро награжу, / И в бояры посажу*» (с. 76).

В финале обеих сказок царь приходит в страшный гнев. У Пушкина, услышав просьбу «мудреца», «*Крайне царь был изумлен. / “Что ты? — старцу молвил он: — / Или бес в тебя ввернулся? / Или ты с ума рехнулся? / Что ты в голову забрал? <...> / Полно, знаешь ли кто я?”*» (III, 562). У Ершова, когда Иван отказывается прыгать в котел с кипящей водой, «*Царь затрясши бородою — / Что рядиться мне с тобою? / (Закричал он), но смотри! / Если ты в рассвет зари / Не исполнишь повеленье: / Я отдам тебя в мученье...*» (с. 115).

Кончатся обе сказки (как и «Легенда об арабском звездочете» В. Ирвинга, в которой, впрочем, Абен-Габуз умирает своей смертью) смертью царя. У Пушкина: «*С колесницы пал Дадон! / Охнул раз, — и умер он*» (III, 563), у Ершова: «*Два раза перекрестился, — / Бух в котел — и там сварился!*» (с. 120).

Эти реминисценции тем более убедительны, что пушкинский текст в большинстве из отмеченных выше случаев не имеет прямых параллелей в «Альгамбре» Ирвинга, в которой Абен-Габуз не отправлялся ни в какой поход, — это его воины доставляют к нему «девицу-христианку дивной красоты», «готскую царевну». Как и пушкинский Дадон, «мавританский царь» «целиком покорился своей страсти». Однако дальше опять-таки следуют существенные различия: Абен-Габуз «думал теперь только о том, как угодить готской красавице», но «как только он приставал к ней со страстными мольбами», она усыпляла его игрой на лире. Единственное, что также сближает Дадона с героем Ирвинга, это гнев на «звездочета», когда Абен-Габуз предъявляет свои права на «царевну»: «Отродье пустыни, — прогремел он, — хоть ты и искусный чародей, но *помни, кто твой владыка*, и не вздорь со своим государем!»¹ Так что выше приведенная параллель с «Коньком-Горбунком» играет, очевидно, второстепенную роль.

Аналогичный, второстепенный характер имеет и следующая параллель: если у Пушкина союзу Дадона с «шамаханской царицей» препятствует «мудрец», то у Ершова им возмущается мать Царь-девицы — «Месяц»: «Ах! Злодей! / Вздумал в семьдесят жениться / На молоденькой девице! / Да стою я крепко в том — / Не бывать ей за царем!» (с. 93). Ведь у Ирвинга «звездочет» вначале, как и у Пушкина, просит подарить ему «девицу». Нетрудно заметить, что большинство параллелей с «Коньком-Горбунком» относится как раз к «вставному эпизоду с царскими сыновьями и походу царя, отсутствующим в легенде Ирвинга»². Именно стилизацией Дадона под царя из «Конька-Горбунка» объясняются, возможно, его «лень, бездеятельность», в которых Ахматова, по-видимому, напрасно видела «полное совпадение с его представлениями об Александре I»³, зато ершовская интертекстуальность очевидным образом актуализирует мотивы, связанные с отражением в «Сказке о золотом петушке» ссоры Пушкина с Николаем I летом 1834 г., которые выявлены в статье Ахматовой «Последняя сказка Пушкина»⁴. Впрочем, женолюбие до потери разума, щедрость на обещания и в то же время готовность изменить своему слову, вспыльчивость и жестокость — присущи не только пушкинскому Дадону и царю из «Конька-Горбунка», но и «мавританскому царю» Абен-Габuzu. А вот смертельное возмездие за убийство или за намерение подвергнуть другого вместо себя опасному испытанию — мотив, которого нет у Ирвинга, — сближает «Сказку о золотом петушке» именно с «Коньком-Горбунком», герой которого сполна торжествует над царем, заняв его место рядом с «Царь-девицей» не только под венцом, но и на троне.

¹ *Ирвинг В.* Альгамбра / Пер. В. С. Муравьева. М., 1979. С. 154, 158–159.

² *Ахматова А. А.* О Пушкине: Статьи и заметки. С. 22.

³ Там же. С. 38–39.

⁴ См.: Там же. С. 34–35.

Разумеется, далеко не все из отмеченных выше параллелей имеют характер реминисценций, а последние носят далеко не безусловный характер, и сами по себе — каждая в отдельности — мало что значили бы. Однако взятые во всей их совокупности и с учетом общей ориентированности пушкинских образов Дадона и «шамаханской царицы» на ершовских царя и «Царь-девицу», они показывают, что ершовский «Конек-Горбунук» был несомненным и важнейшим претекстом пушкинской «Сказки о золотом петушке», одновременно демонстрируя характер творческого преломления Пушкиным ершовских образов. Также эти реминисценции красноречиво свидетельствуют о существенных различиях в стиле двух произведений, которые совершенно исключают предположение о том, что они могли принадлежать перу одного автора.

В заключение отметим, что ершовский «Конек-Горбунук», судя по всему, отозвался в пушкинском творчестве середины 1830-х гг. и в более широком плане. Так, уже не раз отмечалось, что у Ершова «Чудо-юдо рыба-кит», который «Десять лет уже страдает, / А доселева не знает, / Чем прощенье получить», и, по словам Месяца, «за то несет мученье, / Что без Божия веленья / Проглотил он средь морей / Три десятка кораблей. / Если даст он им свободу, / То сниму с него невзгоду» (с. 85–86, 94, 97–98), а в конце концов выпускает корабли и исцеляется, имеет аллюзионный характер. Это скрытая сатира на николаевское самодержавие, которое уже почти десять лет ко времени написания ершовского «Конька-Горбунка» продолжало удерживать в Сибири многих декабристов; некоторых из них автор до своего приезда в Петербург мог лично видеть (или слышать о них) в Тобольске. Между тем имя Ершова в сознании Пушкина было прочно связано с Сибирью, а она, в свою очередь, была для него прежде всего «страной умных людей»¹, то есть декабристов. Как известно, в 1835–1836 гг. Пушкин создал целый ряд произведений («Кто из богов мне возвратил...» (1835), «Пир Петра Первого» (1835), «Капитанская дочка» (1836) и др.), в которых также скрыто проводилась мысль о необходимости их освобождения.

Что касается политических аллюзий, метящих в царя, то у Пушкина они появляются еще в написанной осенью 1833 г. поэме «Анджело». Однако в жанр сказки они проникают именно в «Сказке о золотом петушке», завершающей сказочное творчество Пушкина. По всей видимости, это происходит «не без подачи» автора «Конька-Горбунка». В этом, по-видимому, и лежит прежде всего секрет неподдельного интереса поэта к этому произведению. Ершовская сказка как нельзя лучше соответствовала собственным настроениям и творческим поискам Пушкина и именно поэтому так широко отозвалась в «Сказке о золотом петушке».

¹ О поэте Ершове: (По неизданным дневникам сибирского художника М. С. Знаменского) / Сообщ. И. С. Абрамов // Сибирские огни. 1940. № 4–5. С. 239.

В. А. Кошелев в статье «Феномен Ершова», наряду с рядом ценных частных соображений, в целом рассматривает ершовского «Конька-Горбунка» как феномен детского творчества: «И сам мир, в котором обитают персонажи поэмы Ершова <...> оказывается миром вполне детских представлений», а отказ от дальнейшего творчества в жанре сказки и отсутствие успеха у его последующих произведений объясняет тем, что «вернуть изначальную непосредственность детского приятия мира» он «так и не смог»¹. На наш взгляд, в это представление необходимо внести коррективы. Ершовский «Конек-Горбунок» был феноменом не детского, а юношеского творчества, для которого сполна характерна политическая аллюзионность, оказавшаяся столь привлекательной для Пушкина в период утраты им его первоначальных иллюзий, связанных с восшествием на престол императора Николая I.

© Кибальник С. А., 2017

---

¹ Кошелев В. А. Феномен Петра Ершова. С. 22, 24.

Пушкин и другие (двадцать лет спустя)

Сборник статей к 80-летию
Сергея Александровича Фомичева

П А Л Ь М И Р А

Санкт-Петербург

2 0 1 7

УДК 82.0
ББК 83.3(2Рос-Рус)
П91

Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
Российской Академии наук

Составители С. В. Денисенко и Н. Л. Дмитриева
Научные редакторы М. Н. Виролайнен и С. Б. Федотова

Вic: DSB
Bisac: LIT004240

Pushkin and the Others (Twenty Years After): Collection of articles dedicated
to the eightieth anniversary of Sergey Aleksandrovich Fomichev

Collection of articles dedicated to the eightieth anniversary of Sergey Aleksandrovich Fomichev contains articles of Fomichev's successors including his former postgraduates, members of the Pushkinsky Seminar he held with V. E. Vatsuro, Pushkin Studies Department staff educated and developed under the guidance of Mr. Fomichev and just junior associates constantly consulted with him.

П91 **Пушкин** и другие (двадцать лет спустя): сборник статей к 80-летию Сергея Александровича Фомичева / сост. С. Денисенко, Н. Дмитриева. — СПб. : ООО «Издательство «Пальмира» ; М. : ООО «Книга по Требованию», 2017. — 471 с. — (Серия «Lyceum»).

ISBN 978-5-521-00671-7

В сборник статей, посвященный 80-летию Сергея Александровича Фомичева, вошли статьи его коллег и исследователей, считающих себя учениками Сергея Александровича. Среди них его бывшие аспиранты, участники Пушкинского семинара, который он вел несколько лет вместе с В. Э. Вацуру, сотрудники Отдела пушкиноведения, выросшие и сформировавшиеся под его руководством, просто младшие коллеги, постоянно пользовавшиеся его советами и консультациями.

УДК 82.0
ББК 83.3(2Рос-Рус)

© Денисенко С. В., Дмитриева Н. М.,
составление, 2017

© Оформление.
ООО «Издательство «Пальмира»,
АО «Т8 Издательские Технологии», 2017

ISBN 978-5-521-00671-7